

DOI: 10.12731/2576-9782-2022-2-51-76
УДК 32.019

**НАЦИОНАЛЬНОЕ КИНО КАК ФОРМА
ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА
(ЯКУТИЯ) В 2010-Е – НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.**

М.В. Курчанов

Цель статьи – анализ политики памяти как широкой системы культурных практик и коммуникаций в современной Якутии в контекстах развития кинематографа как сегмента национальной идентичности. Автор анализирует роль исторической политики в развитии национальной памяти и идентичности в Республике Саха – Якутия в контекстах визуальности современной культуры. Методологически статья основана на принципах предложенных в рамках мемориального и визуального поворотов, которые существенно изменили векторы исследований политики памяти, актуализируя принципы междисциплинарности. Новизна исследования состоит в анализе общих и уникальных особенностей функционирования визуального измерения в политике памяти в Якутии. В статье проанализированы 1) стратегии визуализации мемориальной культуры, 2) якутские современные фильмы как элементы современного мнемонического пространства, 3) роль визуальных практик в развитии мемориального канона. В статье представлено широкое понимание исторической политики памяти. Автор полагает, что политику памяти не следует ограничивать только активностью специализированных учреждений и профессиональных политиков, которые манипулируют фактами прошлого для решения задач правящих элит. В представленной статье политика памяти анализируется через призму национального кино, воспринимаемого как одна из форм конструирования образов прошлого. Национальное кино в контекстах политики памяти решает задачи аналогичные

задачам институционализированных акторов, но делает это другими методами. Поэтому в представленной статье показан вклад исторической политики в развитие национальной идентичности через призму функционирования культуры памяти и мемориального канона. Результаты исследования позволяют предположить, что основным актором исторической политики и форматором мемориальной культуры в контекстах визуализации коллективной памяти являются представители якутской национальной интеллигенции. Предполагается, что визуальные формы памяти дополняют традиционные нарративно-дискурсивные стратегии конструирования образов прошлого в якутской идентичности и общего мнемонического пространства.

Ключевые слова: историческая память; идентичность; Республика Саха (Якутия); политика памяти; визуализация памяти; мемориальный канон; культура памяти

NATIONAL CINEMA AS A FORM OF IDENTITY VISUALIZATION IN HISTORICAL MEMORY CULTURE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE 2010S AND THE EARLY 2020S

M. W. Kyrchanoff

The purpose of the article is to analyze the politics of memory as a broad system of cultural practices and communications in modern Yakutia in the context of the development of cinema as a segment of national identity. The author analyzes the role of historical politics in the development of national memory and identity in the Republic of Sakha-Yakutia in the context of the visibility of modern culture. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the memorial and visual turns, which significantly changed the vectors of memory studies, actualizing the principles of interdisciplinarity. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features of the functioning of visual dimensions in the politics of memory in Yakutia. The article analyzes 1) visualization strategies of

memorial culture, 2) modern Yakut films as elements of modern mnemonic space, 3) the role of visual practices in the development of the memorial canon. The article presents a broad understanding of the historical politics of memory. The author believes that the politics of memory should not be limited only to the activity of specialized institutions and professional politicians who manipulate the facts of the past to solve the problems of the ruling elites. In this article, the politics of memory is analyzed through the prism of national cinema, perceived as one of the forms of constructing images of the past. National cinema, in the context of the politics of memory, solves tasks similar to the same ones of institutionalized actors, but does it by different methods. Therefore, in this article the impact of historical politics to the development of national identity is shown through the prism of the culture of memory and the memorial canon. The results of the study suggest that representatives of the Yakut national intelligentsia are the main actors in historical politics because they construct memorial culture contexts of collective memory visualization. It is assumed that visual forms of memory complement the traditional narrative-discursive strategies for constructing images of the past in the Yakut identity and common mnemonic space.

Keywords: *historical memory; identity; Republic of Sakha (Yakutia); politics of memory; visualization of memory; memorial canon; culture of memory*

Введение

В начале XXI столетия важным аспектом большинства современных политических культур европейских стран стала историческая политика или политика памяти. В научной литературе не выработано единой дефиниции этого явления, но большинство исследователей констатирует, что политика памяти стала одним из ресурсов легитимации пребывания у власти элит, ее символизации, консолидации общества, политической мобилизации с использованием фактов прошлого, которые подвергаются интерпретациям в соответствии с идеологической конъюнктурой. Элиты проявляют значительный интерес к контролю над прошлым, так как политика памяти воспринимается как эффективный инструмент для формирования общественных настроений.

Поэтому к политически мотивированному использованию истории обращаются элиты, нуждающиеся в символических ресурсах для собственной легитимации и мобилизации сторонников.

Политика памяти, как совокупность политических, идеологических и интеллектуальных манипулятивных практик, возникла в Центральной и Восточной Европе. Инициаторами интеграции прошлого в число символических политических ресурсов стали польские, венгерские и чешские элиты, поставив идеологически выверенные интерпретации истории на службу декоммунизации и демократическому транзиту. На протяжении первых десятилетий XXI в. историческая политика как форма легитимации и мобилизации, перестала быть только восточноевропейским явлением. Отдельные ее элементы стали активно применяться в других обществах, хотя задачи, которые ставились элитами перед акторами исторической политики были близки. Мемориальная культура оказалась зависимой от идеологической конъюнктуры.

Элементы исторической политики характерны для мемориальной культуры российского общества на национальном и на региональном уровне субъектов РФ, представленных республиками. Республика Саха (Якутия) не является исключением из логики развития исторической политики в России. В центре внимания в данной статье – проблемы политики памяти в современной Якутии. Целью является анализ исторической политики памяти, реализуемой в пространствах национальной культуры, в ее якутском варианте, а в число задач входит изучение применения современных визуальных культурных практик, представленных в национальном кинематографе, в функционировании мемориального канона, что позволяет выявить как особенности, так и перспективы ее развития в культурных пространствах Республики Саха.

Методология и историография

В методологическом плане статья основана на использовании принципов междисциплинарной историографии памяти [18], которые возникли в результате мемориального поворота в гуманитарных науках [25]. Автором используются и основные положения

визуального поворота в социальном знании. Соединение принципов мемориального и визуального поворота в исторической науке позволяет скорректировать расстановку исследовательских акцентов [23]. Поэтому переход от изучения нарративных и дискурсивных форм исторической памяти [13] к восприятию коллективного мемориального пространства через призму визуальности позволяет проанализировать особенности функционирования исторической памяти и культур памяти в различных обществах [31]. Анализ визуальности актуализирует взаимозависимость развития национализма [35], исторической памяти [36], идентичности [29] и воображения концептов самости и инаковости [29] в том числе и в России [40].

Для историографии памяти характерен ряд особенностей. Анализ исторической памяти через призму теоретических подходов к изучению мнемонических культур пребывает среди приоритетных направлений. Редукционистское восприятие памяти, ее сведение до анализа частных случаев исторической политики, доминирует в историографии. Для современных исследований мемориальных культур характерно стремление интегрировать категорию «память» в более широкие научные области, например – историографию национализма или интеллектуальную историю [37]. Для современных штудий в сфере мемориальных культур характерна и географическая неравномерность тематики исследований. Западные стратегии политики памяти изучаются с большей последовательностью [32], чем мемориальные проблемы неевропейских обществ и региональные версии мнемонических пространств России [26], что подчеркивает необходимость исследований политики памяти на региональном уровне не только в рамках традиционных нарративно-дискурсивных практик, но и в контекстах ее смыкания с культурой, что актуализирует проблемы визуальности памяти. Анализу последней, как правило, предшествует концентрация внимания исследователей на дискурсивно-нарративных памятях [8], или сочетания анализа визуальности с нарративными стратегиями конструирования памяти [5]. Последняя оказывается в центре внимания исследователей пока не столь часто [6; 7; 9] как нарративные формы памяти.

Две модели политики прошлого: от исторической политики в культуре памяти

Сложившиеся историографические интерпретации памяти как социального явления, а также ее политически зависимого и идеологически мотивированного использования представлены в современной научной литературе, таким образом, двумя несколькими подходами.

В рамках первого подхода историческая память воспринимается как идеологический конструкт, который возникает в рамках исторической политики или политики памяти. Последняя включает идеологические манипуляции с фактами прошлого. Такая политическая стратегия реализуется, как правило, правящими элитами при помощи институций, призванных специально заниматься вопросами коллективной памяти, маргинализируя одни сюжеты и продвигая другие. Эта модель активно и эффективно используется восточно- и центрально-европейскими политическими элитами, чьи усилия направлены на национализацию историю, предусматривая последовательную декоммунизацию и десоветизацию прошлого [42]. В рамках реализации такого подхода к исторической политике формируется особый тип мемориальной культуры или культурные памяти, который максимально отягощен идеологическими положениями [43]. Эта версия исторической политики и формируемая ей мемориальная культура оказываются максимально зависимыми от внешней идеологической конъюнктуры [34]. Смена политических правящих элит не означает отказа от исторической политики, но приводит только к ее корректировке и определенной ревизии, носящей нередко механический характер [22]. Поэтому положительные оценки могут меняться на отрицательные без радикального пересмотра самих механизмов, которые формируют мемориальную культуру того или иного общества, обеспечивая воспроизводство и поддержание исторической памяти.

В рамках второго подхода, который представляет собой альтернативу первому, используются иные стратегии формирования исторической памяти, а воспроизводство мемориальной культуры

обеспечивается за счет действия других социальных механизмов. Если первый вариант исторической политики основан на превалярующем участии государства, представленного правящими элитами, то второй реализуется культурными активистами и представителями интеллектуальных сообществ [28]. Если в рамках первой модели исторической политики формирование и воспроизводство исторической памяти обеспечивается специализированными институциями и лояльными историками, то во второй культура выступает в качестве основного пространства развития мемориального канона [27]. Поэтому основными акторами политики памяти становятся интеллектуалы. Такая форма исторической политики носит общественный характер [30], а ее проводниками могут быть культурные, социальные и политические активисты [38], представляющие различные группы того или иного социума, в том числе – и миноритарные сообщества. Последние могут быть лишены независимых политических национальных институтов, что содействует миграции «мемориального» из сферы политики в пространства культуры. В этой ситуации политика памяти проявляется не только в официальных юбилейных празднованиях и направляемой актуализации тех или иных событий, но и в создании уникального культурного продукта, который содержательно может сочетать элементы «высокой» и массовой культуры, облаченной в национальные формы, основанные на актуализации и визуализации этнического колорита того или иного сообщества.

Эти два подхода к реализации исторической политики как политики памяти на современном этапе сосуществуют независимо друг от друга и могут софункционировать одновременно в рамках сложных многосоставных обществ. Как политические правящие элиты, так и интеллектуальные сообщества могут ситуативно использовать обе эти модели формирования культуры исторической памяти. Если элиты играют роль заказчика, то интеллектуалы обеспечивают формирования той модели мемориальной культуры, которая в наибольшей степени может соотноситься с интересами

политического класса. Представители последнего на современном этапе развития общества отдают себе отчет в его деполитизации и монополизации политических пространств участия и принятия решений профессиональными политиками. Поэтому элиты начинают более активно обращаться к ресурсам культуры как пространства функционирования мемориального канона, положенного в основу той или иной модели исторической политики.

Эти две тенденции – деполитизации «политического» и политизации «культурного» – указывают на важность, необходимость и актуальность анализа в рамках междисциплинарных современных культуральных исследований того, как современная культура меньшинств в многосоставных сложных обществах становится пространством реализации исторической политики, направленной на формирование коллективной памяти и различных мемориальных канонов.

Визуализация прошлого в политике памяти в начале 2020-х гг.: участники и закономерности процесса

Якутская политика памяти предусматривает сочетание нарративно-дискурсивных и визуальных практик. Именно последние пребывают в центре внимания автора в представленной статье, так как в большей степени интегрированы в пространства национальной культуры. В 2022 г. в рамках столетнего юбилея Республики оказался востребован потенциал современной визуальной культуры, включая национальное кино. Роль кинематографа в исторической коллективной памяти в современной историографии подчёркивается, начиная с 2000-х гг. [39] По мнению Н. Копосова, в 2000-е гг. «государство заменило культуру в качестве ключевого участника новой политики памяти» [33]. Культурные активности играют значительную роль в функционировании современной мемориальной культуры. К 2022 г. якутский кинематограф, регулярно обращаясь к проблемам коллективной памяти, достиг успехов в укреплении мемориального канона.

На уровне политики памяти визуальность имела явно подчиненное положение, что проявилось в большинстве мероприятий

в 2021–2022 гг., которые были связаны со столетием республики, нося преимущественно нарративно-дискурсивный характер, превращая прошлое в предмет манипуляции со стороны элит. Американский историк Джэффри Уилсон полагает, что подобная ситуация универсальна, так как «напряженность будет существовать всегда между историзмом, как частью чистой науки, и презентизмом, стремящимся к прикладным исследованиям. Историст хочет понять мир, презентист хочет его изменить... историст хочет знания, презентист – справедливости, историст хочет быть ученым, презентист – политиком» [41]. Политика памяти, построенная в такой системе координат, имела преимущественно событийный характер, хотя событийность редуцировалась до государственно санкционированных и организованных мероприятий. Одним из таких мероприятий стал конкурс короткометражных фильмов по произведениям якутского писателя С. Данилова [12]. В реализацию исторической политики памяти в современной Якутии вовлечены именно политики, общественные и культурные активисты, чья деятельность не соотносится с академическими ограничениями, предъявляемыми историей профессиональным ученым.

Мемориальные мероприятия, актуализирующие визуальные образы, приуроченные к столетию, были призваны также визуализировать якутскую этничность, что нередко обретало формы национального кинематографа. 27 апреля 2022 г. состоялось театрализованное представление «Триумф Якутии», призванное актуализировать центральные моменты коллективной памяти [2], которая нередко конструируется в несоветской системе координат, имитируя «высокий стиль», унаследованный от советского мемориального канона. Документальный фильм «От Якутской АССР до Республики Саха (Якутия): страницы истории», подготовленный к 100-летию региона, получил аннотацию, в которой подчеркивалось, что «выдающиеся люди, кто боролся за Якутскую автономию, практически погибли все. Но осталась вековая мечта. Она нашла своё воплощение в реальной жизни го-

рячо любимой республики» [4], что отражает основные векторы развития политической и мемориальной культуры исторической памяти в республике.

Визуальность в политике памяти стимулируется рядом факторов. Якутское общество, осознавая угрозу утраты идентичности, на протяжении 2000–2010-х гг. прилагало усилия, направленные на ее ревитализацию среди среднего и младшего поколения. По мнению российского историка А. Олейникова статус истории в современном обществе значительно изменился, так как «за последние три десятилетия историческое знание приобрело огромное значение в публичной политике. Это произошло помимо воли и желания профессиональных историков. Их монополия на обладание исторической истиной была подорвана государством, массмедиа и популярной культурой, активно эксплуатирующими образы прошлого» [15]. История перестала быть единственным пространством формирования памяти, начав конкурировать не только с политической идеологией [16], но и с массовой культурой, так как обе эти сферы современного общества активно манипулируют историей с целями отличными от академических.

Якутское кино как визуализация мемориальной культуры

Уникальным каналом политики памяти и формирования мемориальной культуры в ее визуальных, а не нарративно-дискурсивных формах стало якутское кино.

Картина Татьяны Эверстовой «Кини кыһа» («Его дочь», 2016) визуализировала опыт коллективной памяти сообщества, которое на протяжении нескольких десятилетий пережило переход от традиционного общества к современному, что создало угрозы идентичности, включая эрозию традиций и вытеснение памяти. «Кини кыһа» интересна в рамках исторической политики как попытка визуализации идеальной национальной якутской утопии, где «от города до улуса здесь один шаг. И всего лишь одно-два поколения. Почти все горожане среднего и старшего возраста успели вырасти в далеких селах... почти все знают родной язык. Многие меняют

русские фамилии и имена¹ на родные» [11]. Подобные стратении, как правило, включают три уровня, выделенные немецким историком мемориальной культуры Я. Ассманном. По мнению Я. Ассманна «внутри коллективной памяти мы выделяем три основных разновидности, которые предлагаем именовать коммуникативной, культурной и политической памятью» [1, с. 10].

Визуализация памяти в современном якутском кинематографе в одинаковой степени играет роль того фактора, который усиливает коммуникативную, культурную и политическую памяти, представленные соответственно рефлексиями относительно связи между мемориальными культурами различных поколений, актуализацией этнического и инструментализацией политического. Последнее, правда, в большей степени характерно для других кинопроектов современного якутского кино. Визуализация памяти в Якутии выполняет три функции, характерные для мемориальных пространств. Включенность якутского кино в культурные практики политики памяти актуализирует в мемориальных культурах различные версии прошлого. Российский историк М. Фабрикант полагает, что общество

---

¹ Якуты являются народом тюркского происхождения. Поэтому якутская антропология имеет общетюркские параллели. Процессы христианизации оказали существенное влияние на традиции наречения детей именами. Христианские имена подверглись ассимиляции: например, Николай – Ньюкулай, Иван – Уйбаан, Егор – Дьөгүөр, Афанасий – Охонооһой, Яков – Дьаакып, Василий – Баһылай, Пелагея – Балааһыйа, Елена – Өлөөнө, Евдокия – Огдооччуйа, Ирина – Өрүүнэ и т.п. С 2012 г. в Республике разрешено в паспортах обозначать родственные связи с использованием терминов уола – сын и кыһа – дочь. Подробнее см.: Закон Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2012 года №1031-IV «О присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения». <https://rg.ru/documents/2012/07/02/yakutiya-zakon1031-reg-dok.html>. По данным статистики, в 2021 г. на территории Республики самыми популярными именами для новорожденных девочек были Дайаана – 62, Сандаара – 51, Кюннэй – 50, Сардаана – 29, Сайнаара – 42, Сайаана – 42, Мичийэ – 40, Айбына- 38, Кэрэли – 35, Нарыйаана – 29, Кэрэчээнэ – 26, Айыллаана – 17, Алгыстаана – 15; мальчиков – Арылхан – 84, Айтал – 71, Эркин – 51, Дархаан – 49, Эрхан – 48, Арчын – 41, Айсен – 38, Айаал – 36, Дуолан – 35, Эрчим- 35, Мичил – 34, Харысхан – 32, Эрэл – 31, Сарыал – 30, Ньургун – 27, Саян – 26, Дьулуур – 25, Дьулуустаан – 24, Сандаал – 23, Алгыс – 20, Сайаан – 20. См.: Названы самые редкие и популярные якутские имена 2021 года // Саха Медиа. 2022. 2 февраля. <https://ysia.ru/nazvany-samyue-redkie-ipopulyarnye-yakutskie-imena-2021-goda/>

может испытывать потребность в обладании разным прошлым – «наивном воспроизведении прошлого в отсутствие иных мыслимых альтернатив... символически ценимом прошлом, которое нужно брать за точку отсчета не потому что оно естественно и неизбежно, а потому что оно может исчезнуть... или прошлом, которое отчасти не соответствует нашим представлениям о нем» [20].

Визуальные формы культуры памяти в современной Якутии представляют в общественных пространствах как три разновидности памяти, по терминологии Я. Ассмана, так и различные типы прошлого, о котором пишут современные российские исследователи. Именно поэтому «Кини кыһа», по словам создательницы картины Т. Эверстовой, стала попыткой визуализации якутской исторической памяти в культурно и этнически чуждом окружении, так как картина стала попыткой «рассказывать о своей культуре. Мы, малочисленные народы, пока не высказались в полный голос. Никто никогда нас не спрашивал» [19]. Т. Эверстова позиционирует фильм как попытку витализации памяти, попытку подчеркнуть и укрепить связи между различными поколениями современного якутского общества: «я вспоминаю свое детство, в котором меня окружали только любовь и доброе отношение. Фильм снимался о моих родителях и близких, которых сейчас нет рядом с нами. Через это я признаюсь им в любви» [3]. Комментируя особенности исторической памяти в мире постмодерна, А. Олейников полагает, что ответственность за появление такого явления как историческая политика частично лежит на самом профессиональном сообществе, для которого характерно «отсутствие желания объяснять сторонней публике, в чем состоит польза от их занятий. ... профессиональная историография не может играть значимую общественную роль» [14], чем пользуются элиты и культурные активисты, ассимилируя прошлое, интегрируя его в механизмы собственной легитимации и визуализируя коллективную память посредством современной кинематографии.

В этой ситуации примечательно то, что последняя может часто формулировать политические вопросы под видом культурных, что является характерной особенностью политики памяти в современной

Якутии. Другой якутский фильм, «Атын олох» (2015) С. Бурнашева, указывал на опасность утраты национальной идентичности меньшинств в инокультурных урбанизированных пространствах, визуализируя столкновение разных исторических памятей и связанных с ними стратегий отношений к коллективному прошлому. Как полагает американский историк Джэффи К. Олик «коллективная память в большей мере имеет отношение к историческому наследию, культуре и широкому ряду символов» [17, с. 14], которые на современном этапе развития общества все сложнее проявлять при помощи дискурсивно-нарративных практик в то время как визуальность содействуют интеграции «символического» уровня прошлого в современность.

Политика памяти в ее якутской версии на современном этапе воспроизводит стратегии работы с прошлым, характерные для мемориальных культур в целом. Комментируя такую функцию исторической политики, О.Ю. Малинова подчеркивает, что «политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом... она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью» [10, с. 32]. Последняя характерна для дискурсивно-нарративных форм политики памяти и для ее визуальных проявлений, когда нужные образы прошлого формируются не через текст, а при помощи визуальности.

Другой современный фильм, снятый в Якутии, «Бог Дьэсэгэй» (2015) А. Потапова витализировал этнические компоненты в национальной памяти путем столкновения современности и языческой тюркской традиционности. По мнению современной критики, создатели фильма смогли отразить «тайну и парадокс якутской культуры, нераздельность в ней авторского и фольклорного, индивидуального и общинного» [Таёжная], что в целом соотносится с тенденциями

ревитализации коллективной памяти миноритарных сообществ. Визуализация коллективной памяти при помощи кинематографии в современной якутской исторической политике имеет различные формы, что, например, проявляется в наличии у общества травматической памяти недавнего прошлого.

Именно такие задачи выполняет фильм «Таайыман тапталы» (2015) М. Лукачевского, сфокусированный на культурной истории Якутии 1990-х гг. Центральный герой картины Степан Семенов, лидер популярной якутской рок-группы «Ай-тал». Интерес современной якутской кинематографии к современности, вероятно, указывает на значительный адаптивный потенциал мемориального канона, способного интегрировать не только мифических и исторических средневековых персонажей, но и создателей массовой культуры. Аналогичные измерения памяти, связанные с опытом переходных обществ представлены в фильме «Айыы уола» (2014) Э. Новикова. Не менее показательна другая его картина «Тойон кыыл» («Царь-птица», 2018), рассказывающая об угрозах культурной амнезии в современном социуме. Это позволило некоторым критикам указывать на «постколониальный характер якутской идентичности», существующей одновременно в «традиционном обществе и в неустрашимом постмодерне окружающей человека реальности» [19].

В этом культурном пространстве становится более заметной зависимость памяти от внешних факторов, комментируя которые Я. Ассманн подчеркивает, что «память во всех своих аспектах имеет отношение ко времени и идентичности» [21, р. 125]. Последняя в различные периоды развития общества, в первую очередь миноритарных групп, может не только разворачиваться как в плоскости политики, так и в сфере культуры, особенно в тех случаях, если дискурс национального оказался вытесненным в область культурных активностей интеллектуального сообщества. Именно поэтому якутская культура оказывается формой бытования национальной памяти.

Ярким примером визуализации культуры памяти следует признать картину «Күлүк хомус» (2019) П. Хики подходит к проблеме памяти оригинально, локализуя ее в пространствах жанра фильма

ужасов, в большей степени характерного для массовой культуры общества потребления. Сюжет «Кулук хомус» формально построен согласно основным требованиям жанра, но отличается несколько иным общекультурным посланием. Фильм визуализирует не просто образы страха в современном социуме, но показывая глубину тех коллективных фобий, которые возникают в результате форсированной модернизации, которая ведет к утрате исторической памяти. Встреча с прошлым, редуцированным до этнической традиционной культуры, конструируется в категориях страха для человека, который частично утратил память и, поэтому, ослабил социальные и культурные связи с тем сообществом, к которому формально принадлежит.

Аналогичные мемориальные функции выполняют и другие якутские фильмы. «Бэйбэрикээн» (2019) К. Тимофеева стал попыткой ревитализации исторической памяти путем обращения к символическим ресурсам этничности, представленным в якутском фольклоре. «Ийэкээм» («Нет бога кроме меня», 2019) Дм. Давыдова также можно воспринимать как визуализированное проявление исторической политики. Фильм интересен как попытка рассказать современному обществу о принципиальной важности мемориальной культуры об общем прошлом: сорокалетний герой увозит мать, которая теряет память, в родную деревню, что фактически является проявлением стремления части якутского социума вернуться к истокам, к вытесненной памяти сообщества, утратившей свое значение в результате социальной амнезии, ставшей следствием модернизации.

В преддверье столетнего юбилея якутской государственности, в 2020 г. вышла картина «Тыгын Дархан» Н. Аржакова – один из самых масштабных проектов национального кино в современной России, который стал попыткой политически мотивированной «проработки прошлого» как элемента политики памяти. Картина имеет центральное значение в современных практиках исторической политики в Якутии, так как ее создание фактически показало, что региональные элиты осознают важность национальной истории, так как «для утверждения собственной идентичности необходим национальный герой, сопоставимый по доблести и величию с ку-

мирами других азиатских народов» [Таёжная]. Выход на экраны фильма «Тыгын Дархан» перевел проблемы взаимозависимости в современном обществе понятий «история» и «память» я Якутии на качественно новый уровень как по технике производства фильма, так и по степени его влияния на настроения населения.

По мнению американского историка Дж.К. Олика «история – это воспоминание того прошлого, к которому мы больше не имеем “органического” отношения, прошлого, которое не является больше важной частью нашей жизни, в то время как коллективная память – это активное прошлое, которое формирует нашу идентичность» [16, с. 26]. Исторический якутский кинематограф эти границы размывает, так как в контексты мемориального канона в одинаковой степени оказываются интегрируемыми история как отдаленное прошлое и ее современное политически и идеологически мотивированное применение. Картина «Тыгын Дархан» показывает сосуществование двух уровней коллективной памяти. Фильм, снятый по одноименному роману Василия Яковлева-Далана, апеллирует к культурной и литературной памяти якутов как миноритарного сообщества.

Картина стала попыткой подвергнуть ревизии доминирующие в официальном мемориальном каноне практики конструирования прошлого, которые редуцируют якутскую историю до региональной версии российского исторического процесса. Поэтому фильм следует воспринимать как проявление политики памяти потому, что его коллективный герой – якутская история. В центре сюжета – история межродовых конфликтов и противоречий в якутском обществе XVI – XVII вв. Обращение создателей фильма именно к такой проблематике стало одновременно попыткой подчеркнуть наличие у якутов собственного великого исторического прошлого. Кроме этого фильм можно воспринимать как проявление стремления консолидировать историческую память, ассимилируя при помощи визуальной массовой культуры ее противоречивые моменты, что делало ее более доступной для современного общества.

Выводы

Визуализация исторических образов в рамках кинематографа стала важным компонентом современной исторической политики как формы «проработки» памяти в Якутии. Функционирование коллективной памяти при помощи возможностей визуальной культуры стала результатом миграции национального из политической в культурную сферу. В первой половине 2000-х гг. подчеркивались моменты коллективной памяти, связанные с интеллектуальной историей якутского движения и ролью национальной интеллигенции, но и сопричастной якутской нации с тюркским миром. В соединении исторической политики и культуры основным актором остается государство, что делает видимым не только сервизм интеллектуального сообщества, но и определяет элементы мемориального канона, которые нуждаются в визуализации в целях усиления коллективной памяти. Национальное кино редуцируется до одного из каналов политики памяти, при помощи которого могут продвигаться идеи государственности, ее континуитета, что не только ассимилирует государственный миф, но и переводит его в сферу визуальности, формируя пространство актуализации не только нарративности и дискурсивности коллективной памяти якутского общества, но и ее визуальных проявлений. Визуализация образов национальной памяти в мемориальном якутском каноне содействует «воображению» и «изобретению» истории как коллективного прошлого.

Политика памяти, проводимая в Республике Саха (Якутия) является важным элементом функционирования общества, формируя в рамках национальной памяти мемориальный канон. Эта кодифицированная версия коллективной памяти создается двумя акторами. Значительная роль принадлежит государству как основному заказчику той или иной версии исторической памяти. Создателями такой мнемонической культуры являются представители национального интеллектуального сообщества. Визуализированные версии исторической памяти используются элитами для собственной легитимации и политической мобилизации. Определенная культурная автономия национальной интеллигенции в формировании памяти

в этой ситуации сохраняется. В современной Республике Саха мы можем констатировать динамичное развитие визуальных форм мемориальной культуры, ее роль в сохранении национальной идентичности, включенность в функционирование исторической памяти. Эти факторы указывают на необходимость дальнейшего изучения исторической политики в широкой сравнительной перспективе на уровне сочетания нарративно-дискурсивных и визуальных практик в контекстах сравнительного анализа зарубежного и российского мемориального опыта через призму его реализации в различных формах национальных культур – от «высоких» до «массовых».

Список литературы

1. Ассманн Я. Глобализация, универсализм и эрозия культурной памяти // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 9-27.
2. Бочонина У. 100-летие ЯАССР. URL: <https://ysia.ru/100-letie-yaassr-samyje-ozhidaemye-sobytiya-goda/>
3. Бүгүн “Кини кыһа” киинэ сүрэхтэниэбэ. URL: <https://edersaas.ru/kini-kyuha/>
4. Выдающиеся люди, кто боролся за Якутскую автономию, практически погибли все. URL: <https://www.100yakutia.ru/events/1886-premnyj-pokaz-nauchno-populyarnogo-dokumentalnogo-filma-ot-yakutskoj-assr-do-respubliki-sakha-yakutiya-stranitsy-istorii-100-let-mechty>
5. Кирчанов М.В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча «How nations remember: a narrative approach» // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 54-67.
6. Кирчанов М.В. Обнаженная феминная телесность как изобретенная традиция в массовой культуре Южной Азии // Corpus Mundi. 2022. Т. 3. № 1. С. 73-122.
7. Кирчанов М.В. Телесность в стране Руставели: злоключения и путешествия грузинского тела между романтическим картвельским национализмом и потреблением массовой культуры // Corpus Mundi. 2021. Т. 2. № 1. С. 14-67.

8. Кирчанов М.В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 77-86.
9. Кирчанов М.В. Феминная телесность в массовой культуре Ирана: между обнажением и маргинализацией // Corpus Mundi. 2021. Т. 2. № 3. С. 70-124.
10. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М. – СПб: Нестор История, 2018. С. 27-53.
11. Медведев А. Дорога в тысячу биэрэстэ // Кинопоиск. 2021. 25 февраля. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4004120/>
12. Народнай суруйааччы Софрон Данилов кэпсээннэринэн тэттик киинэ күрэхэ биллэрилиннэ. URL: <https://sakha.ysia.ru/narodnaj-surujaachchy-sofron-danilov-kepseennerinen-tettik-kiine-k-re-e-billerilinne/>
13. Николаи Ф.В., Вилкова Ю.В. Понятие «режимы памяти» в российских и англоязычных memory studies // История и историческая память / ред. А.В. Гладышев. Саратов: Саратовский государственный университет, 2020. Вып. 21. С. 9-18.
14. Олейников А. Другой презентизм // Либеральная миссия. 2021. 2 июля. URL: <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm>
15. Олейников А. Современная историчность и политика времени // Либеральная миссия. 2021. 26 апреля. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>
16. Олик Дж.К. Коллективная память: две культуры // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 22-49.
17. Олик Дж.К. Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 11 – 21.
18. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М. – СПб: Нестор История, 2018. С. 11-26.

19. Таёжная А. Новое якутское кино в 12 фильмах. URL: <https://kinoart.ru/cards/novoe-yakutskoe-kino-v-12-filmah>
20. Фабрикант М. Куда пропала история? // Либеральная миссия. 2021. 20 апреля. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/kuda-propala-istoriya>
21. Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory // *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories* / eds. A. Assmann, S. Conrad. NY: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121-137.
22. Bouchard G. *National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents*. L. – NY: Routledge, 2013. 322 p.
23. Bruyneel K. *Settler Memory: The Disavowal of Indigeneity and the Politics of Race in the United States*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2021. 256 p.
24. Carroll Ch. *The Politics of Imperial Memory in France, 1850–1900*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 2022. 300 p.
25. Colăcel O. *The Romanian Cinema of Nationalism: Historical Films as Propaganda and Spectacle*. L. – NY.: McFarland. 2018. 219 p.
26. Danilova N. *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2016. 272 p.
27. Evans Ch. *The French Historical Narrative and the Fall of France: Simone Weil and her Contemporaries Face the Debacle*. NY.: Lexington Books, 2022. 202 p.
28. Faber S. *Exhuming Franco: Spain's Second Transition*. Nashville: Vanderbilt University Press, 2021. 276 p.
29. Frey H. *Nationalism and the Cinema in France: Political Mythologies and Film Events, 1945-1995*. NY.: Berghahn Books, 2014. 250 p.
30. Gerven T. *Scandinavism: Overlapping and Competing Identities in the Nordic World, 1770-1919*. L. – NY.: Brill Academic Publisher, 2022. 427 p.
31. Gruenewald T. *Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination*. Lawrence: University Press of Kansas, 2021. 281 p.
32. Kaplonski Ch. *Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes*. L. – NY.: Routledge, 2004. 250 p.

33. Koposov N. “The armored train of memory”: the politics of history in Post-Soviet Russia // *Perspectives on History*. The Newsmagazine of American Historical Association. 2002. January 2011. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia>
34. Mälksoo M. *The Politics of Becoming European: A study of Polish and Baltic Post-Cold War security imaginaries*. L. – NY.: Routledge, 2013. 224 p.
35. Mehta R.B. *Unruly Cinema: History, Politics, and Bollywood*. Champaign, Ill.: University of Illinois Press, 2020. 248 p.
36. Mika Ko, *Japanese Cinema and Otherness: Nationalism, Multiculturalism and the Problem of Japaneseness*. L. – NY.: Routledge, 2013. 241 p.
37. Mitchell P. *Imperial nostalgia: How the British conquered themselves*. Manchester: Manchester University Press, 2021. 244 p.
38. Stanziani A. *Eurocentrism and the Politics of Global History*. L. – NY.: Palgrave Pivot, 2016. 166 p.
39. Stites R. *The Pawnbroker: Holocaust, Memory, and Film* // *Perspectives on History*. The Newsmagazine of American Historical Association. 2008. January 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/the-pawnbroker-holocaust-memory-and-film>
40. Wijermars M. *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, Cinema and the State*. L. – NY.: Routledge, 2018. 266 p.
41. Wilson J.R. *Historicizing Presentism: Toward the Creation of a Journal of the Public Humanities* // *Profession*. 2019. Spring. URL: <https://profession.mla.org/about-profession/>
42. Witeska-Mlynarczyk A. *Evoking Polish Memory: State, Self and the Communist Past in Transition*. Berlin: Peter Lang GmbH., 2014. 253 p.
43. Wolff-Poweska A., Forecki P. *World War II and Two Occupations: Dilemmas of Polish Memory*. Berlin: Peter Lang GmbH., 2016. 267 p.
44. Wulf M. *Shadowlands: Memory and History in Post-Soviet Estonia*. L. – NY.: Berghahn Books, 2016. 402 p.

References

1. Assmann J. Globalizatsiya, universalizm i eroziya kul'turnoy pamyati [Globalization, universalism and erosion of cultural memory]. *Historical expertise*, 2018, no. 1, pp. 9-27.
2. Bochonina U. 100-letiyе YAASSR [100th anniversary of the YASSR]. <https://ysia.ru/100-letie-yaassr-samyе-ozhidaemye-sobytiya-goda/>
3. Bүgүн “Kini kuha” kiine sürehtenieğе [The premiere of the film ”His Daughter” will take place today]. <https://edersaas.ru/kini-kyuha/>
4. Vydayushchiyesya lyudi, kto borolsya za Yakutskuyu avtonomiyu, prakticheskii pogibli vse. [Prominent people who fought for the Yakut autonomy, almost all died]. <https://www.100yakutia.ru/events/1886-premernyj-pokaz-nauchno-populyarnogo-dokumentalnogo-filma-ot-yakutskoj-assr-do-respubliki-sakha-yakutiya-stranitsy-istorii-100-let-mechty>
5. Kirchanov M. Kogda natsii vspominayut: chto, gde i kak. Zametki kul'turnogo antropologa na polyakh knigi Dzheymса Vercha “How nations remember: a narrative approach” [When nations remember: what, where and how. Notes of a cultural anthropologist on the margins of James Wertsch’s book “How nations remember: a narrative approach”]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. 2021, no. 3, pp. 54-67.
6. Kirchanov M. Obnazhennaya feminnaya telesnost' kak izobretennaya traditsiya v massovoy kul'ture Yuzhnoy Azii [Naked feminine corporality as an invented tradition in the popular culture of South Asia]. *Corpus Mundi*. 2022, no. 1, pp. 73-122.
7. Kirchanov M. Telesnost' v strane Rustaveli: zloklyucheniya i puteshestviya gruzinskogo tela mezhdru romanticheskim kartvel'skim natsionalizmom i potrebleniyem massovoy kul'tury [Corporality in the Land of Rustaveli: Misadventures and Journeys of the Georgian Body Between Romantic Kartvelian Nationalism and the Consumption of Mass Culture]. *Corpus Mundi*. 2021, no. 1, pp. 14-67.
8. Kirchanov M. Fantasticheskiy kinematograf kak odna iz form lokalizatsii voyennykh obrazov v amerikanskoй massovoy kul'ture [Fantastic cinema as one of the forms of localization of military images in American popular culture]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2021, no. 5, pp. 77-86.

9. Kirchanov M. Feminnaya telesnost' v massovoy kul'ture Irana: mezhdubnazheniyem i marginalizatsiyey [Feminine corporality in Iranian mass culture: between exposure and marginalization]. *Corpus Mundi*, 2021, no. 3, pp. 70-124. (in Russ.)
10. Malinova O.Yu. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Ed by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Moscow – St. Petersburg: Nestor History, 2018, pp. 27-53.
11. Medvedev A. Doroga v tysyachu biereste [The road to a thousand biereste]. *Kinopoisk*. 2021. February 25, <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4004120/>
12. *Narodnaya suruyaachy Sofron Danilov kepseennerinen tettik kiine kürehe billerilinne* [A competition of short films based on the stories of the people's writer Sofron Danilov has been announced]. <https://sakhasysia.ru/narodnaya-suruyaachy-sofron-danilov-kepseennerinen-tettik-kiine-k-re-e-billerilinne/>
13. Nikolai F.V., Vilkova Yu.V. Ponyatiye «rezhimy pamyati» v rossiyskikh i anglozyazychnykh memory studies [The concept of “memory modes” in Russian and English-language memory studies]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Ed. by A.V. Gladyshev. Saratov: Saratov State University, 2020, no. 21, pp. 9-18.
14. Oleinikov A. Drugoi prezentizm [Another presentism]. *Liberal'naya missiya* [Liberal mission], 2021, July 2. <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm>
15. Oleinikov A. Sovremennaya istorichnost' i politika vremeni [Modern historicity and the politics of time]. *Liberal'naya missiya* [Liberal mission], 2021, April 26. <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>
16. Olick J.K. Kollektivnaya pamyat': dve kul'tury [Collective memory: two cultures]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 4, pp. 22-49.
17. Olick J.K. Pamyat' – eto ne veshch' i ne predmet. Pamyat' – eto nepre-ryvnyy protsess [Memory is not a thing or an object. Memory is a con-

- tinuous process]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 4, pp. 11-21.
18. Safronova Yu.A. Memory studies: evolyutsiya, problematika i institutsional'noye razvitiye [Memory studies: evolution, problems and institutional development]. *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Moscow – St. Petersburg: Nestor History, 2018, pp. 11-26.
  19. Tazhnaya A. *Novoye yakutskoye kino v 12 fil'makh* [New Yakut cinema in 12 films]. <https://kinoart.ru/cards/novoe-yakutskoe-kino-v-12-filmah>
  20. Fabrikant M. Kuda propala istoriya? [Where Has History Gone?]. *Libel'naya missiya* [Liberal mission]. 2021. April 20. <https://liberal.ru/authors-projects/kuda-propala-istoriya>
  21. Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory. *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. Ed. by A. Assmann, S. Conrad. NY: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 121-137.
  22. Bouchard G. *National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents*. L. – NY.: Routledge, 2013, 322 p.
  23. Bruyneel K. *Settler Memory: The Disavowal of Indigeneity and the Politics of Race in the United States*. Chapel Hill, NC, The University of North Carolina Press, 2021, 256 p.
  24. Carroll Ch. *The Politics of Imperial Memory in France, 1850–1900*. Ithaca, NY., Cornell University Press, 2022, 300 p.
  25. Colăcel O. *The Romanian Cinema of Nationalism: Historical Films as Propaganda and Spectacle*. L. – NY., McFarland. 2018, 219 p.
  26. Danilova N. *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. L. – NY., Palgrave Macmillan, 2016, 272 p.
  27. Evans Ch. *The French Historical Narrative and the Fall of France: Simone Weil and her Contemporaries Face the Debacle*. NY.: Lexington Books, 2022, 202 p.
  28. Faber S. *Exhuming Franco: Spain's Second Transition*. Nashville: Vanderbilt University Press, 2021, 276 p.

29. Frey H. *Nationalism and the Cinema in France: Political Mythologies and Film Events, 1945-1995*. NY., Berghahn Books, 2014, 250 p.
30. Gerven T. *Scandinavism: Overlapping and Competing Identities in the Nordic World, 1770-1919*. L. – NY.: Brill Academic Publisher, 2022, 427 p.
31. Gruenewald T. *Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination*. Lawrence, University Press of Kansas, 2021, 281 p.
32. Kaplonski Ch. *Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes*. L. – NY., Routledge, 2004, 250 p.
33. Kuposov N. «The armored train of memory»: the politics of history in Post-Soviet Russia. *Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association*, 2002, January 2011. <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia>
34. Mälksoo M. *The Politics of Becoming European: A study of Polish and Baltic Post-Cold War security imaginaries*. L. – NY.: Routledge, 2013, 224 p.
35. Mehta R.B. *Unruly Cinema: History, Politics, and Bollywood*. Champaign, Ill., University of Illinois Press, 2020, 248 p.
36. Mika Ko, *Japanese Cinema and Otherness: Nationalism, Multiculturalism and the Problem of Japaneseness*. L. – NY., Routledge, 2013, 241 p.
37. Mitchell P. *Imperial nostalgia: How the British conquered themselves*. Manchester, Manchester University Press, 2021, 244 p.
38. Stanziani A. *Eurocentrism and the Politics of Global History*. L. – NY.: Palgrave Pivot, 2016, 166 p.
39. Stites R. The Pawnbroker: Holocaust, Memory, and Film. *Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association*, 2008, January 1. <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/the-pawnbroker-holocaust-memory-and-film>
40. Wijermars M. *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, Cinema and the State*. L. – NY., Routledge, 2018, 266 p.

41. Wilson J.R. Historicizing Presentism: Toward the Creation of a Journal of the Public Humanities. *Profession*, 2019, spring. <https://profession.mla.org/about-profession/>
42. Witeska-Mlynarczyk A. *Evoking Polish Memory: State, Self and the Communist Past in Transition*. Berlin: Peter Lang GmbH., 2014, 253 p.
43. Wolff-Poweska A., Forecki P. *World War II and Two Occupations: Dilemmas of Polish Memory*. Berlin: Peter Lang GmbH., 2016, 267 p.
44. Wulf M. *Shadowlands: Memory and History in Post-Soviet Estonia*. L. – NY.: Berghahn Books, 2016, 402 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежский государственный университет
Университетская пл., 1, г. Воронеж, 394018, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maxim W. Kyrchanoff, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History
Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, 394018, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com

Поступила 20.06.2022

После рецензирования 25.06.2022

Принята 27.06.2022

Received 20.06.2022

Revised 25.06.2022

Accepted 27.06.2022